

Существует семь версий смерти Горького. До последнего времени не утихают споры, кем и как был убит Горький, хотя сторонники этой концепции пока не привели достаточно серьезных документальных свидетельств. С другой стороны, довольно убедительная версия естественной смерти вызывает все больше сомнений, когда ее сопоставляют с тайной историей преступлений сталинской эпохи.

ЕСЛИ обратиться к разным версиям в их первоисточниках, они сведутся не к семи, а к четырем:

1. Официальная точка зрения советской печати, согласно которой Горького устранили «прихвостни и агенты буржуазии», «предатели социалистической революции», «троцкисты и правые уклонисты». В убийстве Горького обвинены Н. Бухарин, А. Рыков, Г. Ягода, П. Крючков, лечащие врачи Л. Г. Левин и Д. Д. Плетнев.

2. «Умерщвление» по приказу Сталина, хитроумно осуществленное Г. Ягодой.

3. «Версия Д. Д. Плетнева» об отравлении шоколадными конфетами, присланными из Кремля.

4. Естественная смерть в результате воспаления легких, которое не вынес организм, ослабленный постоянно протекавшим легочным процессом.

Автором первой версии является, конечно, Сталин. В официальной советской пропаганде она использовалась для борьбы с политическими противниками. И хотя ни один из тех, кто лечил Горького, не был вызван в качестве свидетеля, в речи прокурора СССР А. Я. Вышинского говорилось: «...экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, действительно, были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей».

Наиболее развернутое изложение истории «умерщвления» мы находим в книге М. Нольцова «Буревестник» (Жизнь и смерть Максима Горького), выпущенной в 1938 г. сразу же после судебного процесса над «право-троцкистским блоком»: во время тайной встречи в Париже в 1934 г. Л. Троцкий дал указание «о необходимости физического уничтожения Горького во что бы то ни стало». Приказ был передан помощником Троцкого Бессоновым Г. Ягоде и приведен в исполнение. При этом вначале, якобы с помощью доктора Л. Г. Левина, был убит М. А. Пешков, сын писателя. М. Колюцов характеризовал Левина как человека «очень преданного лично Иосифу Виссарионовичу». Заметим, что эти слова писались уже после 15 марта 1938 г., когда по приговору суда профессор Левин был расстрелян.

Вторая версия создана

Л. Троцким в противовес первой. Ссылаясь на свидетельства людей, близких Г. Ягоде, он рассказывал о существовании в ОГПУ строго секретной токсикологической лаборатории, яды которой вовремя «помогали» многим видным советским политическим и общественным деятелям уйти из жизни. Л. Троцкий намекал, что в процессе болезни Горького Сталин

Загадки истории

«слегка помог разрушительной силе природы».

Основные аргументы, которые приводят сторонники этой концепции, таковы: Сталин боялся, что Горький перестанет молчать и сообщит Западу настоящую правду о событиях в Советском Союзе. Именно для этого Горький якобы торопился с приездом французских писателей Л. Арагона и Э. Триоле, забрасывая их письмами и телеграммами. Их только иностранные гости появились, Горькому был дан яд. Это подтвердил сам Ягода, который на судебном процессе признал свою вину в смерти М. А. Пешкова и М. Горького.

Третью версию, примыкающую ко второй, приписывают профессору Д. Д. Плетневу. В 1954 г. эмигрантский «Социалистический вестник» опубликовал сенсационное сообщение, якобы идущее от Д. Д. Плетнева: в 1948 г. он рассказал работавшей с ним фельдшерше Бригитте Герланд, что Горького отравили с помощью шоколадных конфет, присланных из Кремля. Эта версия повторена в воспоминаниях художника Юрия Анненкова о Горьком: «Он щедро одарил конфетами двух санитаров, которые при нем работали, и сам съел несколько конфет. Через час у всех троих начались мучительные желудочные боли, еще через час наступила смерть. Было немедленно произведено вскрытие. Результат? Он соответствовал нашим самым худшим опасениям. Все трое умерли от яда».

Чтобы не возвращаться к этой версии, сразу же скажем: шоколадных конфет Горький вообще не любил и никогда не ел. Тем более он не мог съесть

их за час до смерти, ибо уже весь день 17 июня 1936 г. был без сознания, а утром 18 июня скончался.

Наконец, мог ли профессор Плетнев рассказать эту историю Б. Герланду в 1943 г., если 11 сентября 1941 г. он был расстрелян?

Последняя концепция — естественная смерть Горького. Эта версия, кажущаяся наиболее правдоподобной, подтверждается вскрытием: легкие писателя оказались в ужасающем состоянии, плевра приросла к ним, они были настолько заизвесткованы, что загорели, когда их бросили в ведро.

В АРХИВЕ Горького хранятся материалы, которые в совокупности никогда не были

Горького, хотя прежде (он серьезно болел и в 1933, и в 1934 г., четыре раза лежал на Никитской в тяжелом состоянии) этого не делалось. Складывалось впечатление, что писатель обречен. Ему действительно становилось хуже. С утра 6 июня телефон на Никитской не умолкал. Приходилось отвечать на вопросы, весьма странно сформулированные: «Что, Алесенко Максимовичу не хуже еще?», «Что в Горках не хуже?», «Утром по вертушке позвонил Н. И. Бухарин, спросил: «Куда направить телеграмму: в Форос или по московскому адресу?».

Резкое ухудшение наступило 8 июня: началось удушье. Состоялся медицинский консилиум, причем врачи так и не пришли к общему мнению. Уми-

И хотя состояние здоровья писателя при всех колебаниях медленно улучшалось, из Горок поступали противоречивые сведения. В один и тот же час 12 июня И. П. Ладыхиннов сообщил: «У нас отлично», а врачи Плетнев и Кончаловский: «Не поднимается, слаб». 14 июня Горький повеселел, побрился и собрался писать письма. Лечивший его 10 лет доктор Левин поразился: «Лучше, чем прошлые дни», а Плетнев и Кончаловский сообщили: «Безнадёжно».

16 июня, когда в Горках только собрался консилиум врачей, на Никитскую пришел миллионер и предложил снять дворников, которые на машине возили кислород умирающему писателю: «Пусть убирают улицу». Вскоре после этого в доме появился представитель архитектурного уп-

чего не сказано о воспалении легких. Смерть якобы наступила от «тяжелой инфекции», «при явлениях паралича сердца и дыхания». Между тем Крючков записал: «Сердце все время было прекрасное. Выдерживало на протяжении минут скачки от 160 до 60 ударов». Это странное несоответствие уже ставит под сомнение официальную версию смерти Горького, хотя не снимает ответственности с Г. Ягоды и его помощников. На процессе 1938 г. и он, и П. П. Крючков, и Д. Плетнев признались в убийстве Горького.

ТАЙНА смерти писателя будет оставаться до конца непроясненной, пока не появятся новые документальные материалы. Ими могли бы стать письма Горького Л. Арагону и Э. Триоле, написанные в марте 1936 г. Как уже говорилось, ссылки на эти письма используются для доказательства, что Горький в этот момент решил обратиться к мировому общественному мнению с разоблачениями сталинской политики. Проанализировав все данные по этому поводу, французский исследователь М. Нике пришел к выводу: Л. Арагон «что-то умалчивает». Те письма, в которых Горький якобы просил его с женой срочно приехать, где «чувствовался страх смерти» и «завуалированный намек на поручение, которое Горький хотел нам дать для Франции», до сих пор не разысканы.

Требуется объяснений и поведение писателя Андре Жид, которому, как Л. Арагону, предстояло повидаться с больным, чтобы передать миру его «поручение». Его торопили с отъездом, но вдруг 11 июня раздался звонок И. Эренбурга, который сообщил: «Горький больше не умирает, все отложено». Еще загадочнее была фраза Эренбурга: «К тому же предпочли бы, чтобы Жид приехал в Москву не раньше 18».

Пытаясь разгадать эти загадки, М. Нике пишет: «Совпадение дат поразительно (Горький умрет 18 июня), как и логика Эренбурга (или его шефов): улучшение здоровья Горького не должно ли было, наоборот, благоприятствовать естрене обоих писателей, а не служить поводом для отсрочки приезда Жид».

Р. Роллан записал в «Дневнике» тех лет: «Террор в СССР начался не с убийства Кирова, а со смерти Горького»...

Л. СПИРИДОНОВА,
доктор филологических наук.

ТАЙНА СМЕРТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Муж - 1991 - 31 мая

предметом пристального исследования, а именно они помогают воссоздать более или менее объективную картину.

В конце мая 1936 г. Горький жил в Крыму (Тессели) и не собирался в Москву, хотя скучал без внучек. Внезапно ему сообщили об их болезни. Алексей Максимович не на шутку встревожился: после смерти сына он воспринимал такие известия подозрительно. Есть предположение, что писатель догадывался: смерть сына была не случайной, подозревал Г. Ягodu и его подручных. Неужели теперь — внучки? Горький сразу засобиравшись в Москву, хотя для его здоровья это был большой риск. С. Сергеев-Ценский отговаривал писателя от поездки, боясь, что холодная сырая погода в Москве окажется для него губительной.

27 мая 1936 г. Горький приехал в Москву. На Малой Никитской Горький зашел в детскую, хотя его отговаривали, боясь, что он заразится. 1 июня 1936 г. по дороге на дачу всей семьей заехали на Новодевичье кладбище. Горький побывал на могиле сына, затем прошел к могиле жены Сталина — Н. Аллилуевой. Дул холодный резкий ветер, писатель поживался, а вечером у него поднялась температура. Уже на третий день болезни стало ясно, что дело серьезное. Г. Ягода распорядился пригласить в Горки кремлевских докторов.

Всего их было 17 — из Москвы и Ленинграда. С 6 июня в газетах стали печатать бюллетени о состоянии здоровья

рающего приехали навестить И. Сталин, К. Ворошилов и В. Молотов.

Горький разговаривал с «вождями» как здоровый, просил решить вопрос о дешевом, для народа, издании «Истории гражданской войны», смеялся. Сталин предложил принести шампанского, чтобы выпить за здоровьем Горького. Принесли шампанское. «Вам, пожалуй, лучше не пить», — сказал Сталин Горькому. Тот только пригубил.

10 июня в два часа ночи Сталин вновь приехал в Горки. Горький спал. Сталину было сказано, что больного нельзя беспокоить.

12 июня, когда Горький, оправившись после кризиса, чувствовал себя довольно хорошо, Сталин и его компания приехали в третий раз. Посетители вышли через восемь минут: разговор не состоялся. Горький в эти дни почти не спал, держась в сознании усилием воли.

После того как наступило улучшение, у постели больного появились новые врачи, в том числе Д. Д. Плетнев. А Горький так и не знал, чем болен, не верил врачам, которые разболелись на две партии, враждовавшие друг с другом. Первоначальный диагноз «грипп» не соответствовал истине.

Почему от писателя скрывали диагноз, если он действительно болел воспалением легких? И вообще здесь произошло нечто странное: в Горках один за другим заболели люди из обслуживающего персонала. Командант, повар, жена команданта... К 17 июня заболело уже семь человек, и всем им ставили диагноз «ангина».

разления и протянул бумагу, из которой явствовало, что он командирован, чтобы занять дом Горького.

А УТРОМ 17 июня у Горького хлынула горлом кровь. Что произошло в ту ночь, кто приблизил роковой конец? Вряд ли мы получим ответ на эти вопросы. Все, что участвовал в этой драме, либо расстреляны, либо глухо молчали всю жизнь.

Вскрытие показало, что легкие Горького почти целиком заостенели, плевра приросла, как корсет, и ломалась, когда ее отдирали. Непонятно было, чем дышал писатель. По словам П. П. Крючкова, врачи очень обрадовались, что легкие оказались в таком состоянии: «С них снималась ответственность». Эта странная радость более всего настораживает в истории болезни Горького.

После смерти Горького вдруг обнаружилось завещание. Судьба завещания неизвестна: когда урну с прахом Горького хранили в Кремлевской стене, Е. П. Пешкова подала конверт с завещанием Сталину, но он не взял, досадливо отмахнувшись. Конверт был передан кому-то другому.

Сталинская историография, и не только она, железной метлой прошла по всему, связанному со смертью Горького. (Читатели, которых заинтересуют подробности последних дней А. М. Горького, могут найти их в первом номере нового журнала «За и против», — он вскоре появится в продаже.) В официальном медицинском заключении о смерти Горького ни-